

ТЕМА НОМЕРА:
**«ЦАРСКАЯ, СОВЕТСКАЯ И ПОСТСОВЕТСКАЯ
РОССИЯ: ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ
И ИНТЕРПРЕТАЦИИ»**

УДК 327

КРЫМСКАЯ ВОЙНА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ИТОГОВ

Каптарь Дионис Леонидович,
писатель, публицист
murabl@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос обоснованности взгляда на итоги Крымской войны как безусловно тяжелого и даже позорного поражения Российской империи. Насколько корректно считать, что исход войны является свидетельством нежизнеспособности государственной системы, сложившейся в первой половине XIX в. под руководством Николая I? Чтобы ответить на данный вопрос, автор анализирует политические цели, поставленные антироссийской коалицией и то, в какой мере они были достигнуты. В статье приводятся данные, опровергающие тезис о заметном техническом отставании в оснащении русской армии и подчеркивается, что соотношение потерь России и ее противников вполне сопоставимо друг с другом. Данный факт автор считает доказательством в пользу успешности действий русских солдат и офицеров, а также эффективности государственной системы в целом. В статье также показаны приемы информационной войны XIX в. и проводится параллель с методиками «мягкой силы», столь широко распространенной в наше время. Автор приходит к выводу, что значительная доля критики в адрес николаевской России носит тенденциозный, ангажированный характер и объясняется не объективными, а чисто политическими причинами. Актуальность данному исследованию придают события, вызванные возвращением Крыма в состав России в 2014 г., и последовавшая реакция международного сообщества. Как и в XIX в., наша страна вновь оказалась в дипломатической изоляции со стороны европейских государств на фоне внутривнутриполитической нестабильности. По мнению автора, для поиска выхода из нынешней непростой ситуации полезно обратиться к опыту прошлого.

Ключевые слова: Крым; Крымская война; пропаганда; Российская империя; международная политика; история.

CRIMEAN WAR: NEW APPROACHES TO THE EVALUATION OF THE RESULTS

Kaptar' Dionis Leonidovich, writer, publicist
murabl@yandex.ru

Abstract. The paper considers the question of the validity of the opinion of the results of the Crimean War as an unconditionally heavy and even shameful defeat of the Russian Empire. Is it correct to assume that the outcome of the war is evidence of the non-viability of the state system that was established in the first half of the nineteenth century under the leadership of Nicholas I? To answer this question, the author analyzes political goals set by the anti-Russian coalition and the extent to which they were achieved. The article cites data refuting the thesis of a noticeable technical lag in equipping the Russian army and stresses that the ratio of losses to Russia and its opponents is quite comparable. This fact the author regards as evidence in favor of the success of the actions of Russian soldiers and officers, as well as the effectiveness of the state system as a whole. The article also shows the techniques of the information war of the XIX century and draws a parallel with the methods of "soft power", so widespread in our time. The author comes to the

conclusion that a significant share of criticism of Nicholas Russia is tendentious, biased and is not due to objective, but purely political reasons. The relevance of this study is attached to the events caused by the return of Crimea to Russia in 2014, and the subsequent reaction of the international community. As in the 19th century, our country once again found itself in diplomatic isolation on the part of European states against the backdrop of domestic political instability. According to the author, in order to find a way out of the current difficult situation, it is useful to turn to the experience of the past.

Keywords: Crimea; Crimean War; propaganda; Russian Empire; international politics; history.

Возвращение Крыма в состав нашей страны в 2014 г. вызвало болезненную реакцию так называемого международного сообщества и спровоцировало новый виток информационной войны против России. Пока лишь только информационной, однако рост напряженности оказался беспрецедентным за всю постсоветскую историю. В этой связи будет нелишним вспомнить, что Крым не первый раз становится яблоком раздора между Россией и западными державами.

Конфликт XIX в. перерос в полномасштабные боевые действия, а вопрос территориальной принадлежности полуострова в конечном итоге решился на полях сражений. Однако тогда, как и сейчас, в ход пошло информационное оружие, и нынешние мемы западной пропаганды во многом лишь повторяют прошлые образцы. Параллели становятся особенно очевидными, когда мы рассматриваем действия прозападно ориентированных подданных Российской империи. И здесь налицо сходство политических установок современной либеральной оппозиции и ее идеологических предшественников XIX в.

Таким образом, актуальность исследования темы Крымской войны сохраняется и в наши дни.

«Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России» [1], — это написал Владимир Ульянов, более известный как Ленин. С этим клеймом война и вошла в советскую историографию. Давно уже нет ни Ленина, ни государства, созданного им, но в общественном сознании события 1853–1856 гг. до сих пор оцениваются именно так, как сказал вождь мирового пролетариата.

В целом восприятие Крымской войны можно уподобить айсбергу. Все помнят со школьных времен «верхушку»: оборону Севастополя, гибель Нахимова, затопление русского флота. Как правило, о тех событиях судят на уровне штампов, заложенных в головы многолетней антироссийской пропагандой. Тут и «техническая отсталость» царской России, и «позорное поражение царизма», и «унизительный мирный договор». Но истинный масштаб и значение войны остаются малоизвестными. Мно-

гим кажется, что это было какое-то периферийное, чуть ли не колониальное противостояние, далекое от основных центров России.

Упрощенная схема выглядит незамысловато: противник высадил десант в Крыму, нанес там поражение русской армии, и, добившись своих целей, торжественно эвакуировался. Так ли это? Давайте разберемся.

Во-первых, кто и как доказал, что поражение России было именно позорным? Сам факт проигрыша еще ничего не говорит о позоре. В конце концов, Германия во Второй мировой потеряла столицу, была полностью оккупирована и подписала безоговорочную капитуляцию. Но вы хоть раз слышали, чтобы кто-нибудь называл это позорным поражением?

Давайте с этой точки зрения посмотрим на события Крымской войны. Против России выступили три империи (Британская, Французская и Османская) и одно королевство (Сардиния-Пьемонт). Что такое Британия тех времен? Это гигантская страна, промышленный лидер, лучший в мире военный флот. Что такое Франция? Это третья экономика мира, второй флот, многочисленная и хорошо обученная сухопутная армия. Союз этих двух государств давал такой резонансный эффект, что объединенные силы коалиции располагали совершенно невероятной мощью. А ведь была еще и Османская империя.

Да, к середине XIX в. ее золотой период остался в прошлом и ее даже стали называть больным человеком Европы. Но не стоит забывать, что это говорилось в сравнении с самыми развитыми странами мира. Турецкий флот располагал парходами, армия была многочисленна и частично вооружена нарезным оружием, офицеров направляли учиться в западные страны, а кроме того, иностранные инструкторы работали и на территории самой Османской империи.

Между прочим, во время Первой мировой войны уже лишившийся почти всех своих европейских владений «больной Европы» победил Британию и Францию в галлиполийской кампании. И если такой была Османская империя на излете своего

существования, то, надо полагать, что в Крымской войне она была еще более опасным противником.

Роль Сардинского королевства обычно вообще не учитывают, а ведь эта небольшая страна выставила против России двадцатитысячную, хорошо вооруженную армию. Таким образом, России противостояла мощнейшая коалиция. Запомним этот момент.

Теперь вспомним, какие цели преследовал противник. Согласно его планам, от России должны были быть отторгнуты Аландские острова, Финляндия, Прибалтийский край, Крым и Кавказ. Был момент, когда шведам предложили даже Петербург. Кроме того, восстанавливалось Польское королевство, а на Кавказе создавалось независимое государство Черкессия, вассальное по отношению к Турции. Это еще не все. Дунайские княжества (Молдавия и Валахия) находились под протекторатом России, но теперь предполагалось передать их Австрии. Иными словами, австрийские войска выходили бы на юго-западные границы нашей страны.

Трофеи хотели поделить так: Прибалтику — Пруссии, Аландские острова и Финляндия — Швеции, Крым и Кавказ — Турции. Черкессию получает предводитель горцев Шамиль [2], и, кстати, во время Крымской войны его отряды тоже воевали против России.

Обычно считается, что этот план лоббировал влиятельный член британского кабинета Пальмерстон, а французский император придерживался другой точки зрения. Однако дадим слово самому Наполеону III. Вот что он сказал одному из русских дипломатов:

«Я намерен... приложить все усилия, чтобы воспрепятствовать распространению вашего влияния и заставить вас вернуться в Азию, откуда вы и пришли. Россия — не европейская страна, она не должна быть и не будет таковой, если Франция не забудет о той роли, которую ей надлежит играть в европейской истории... Стоит ослабить ваши связи с Европой, и вы сами по себе начнете движение на Восток, чтобы вновь превратиться в азиатскую страну. Лишить вас Финляндии, балтийских земель, Польши и Крыма не составит труда» [3].

Вот такую судьбу готовили России Англия и Франция. Знакомые мотивы, не правда ли? Нашему поколению «посчастливилось» дожить до реализации этого плана, а теперь представьте, что идеи Пальмерстона и Наполеона II воплотились бы в жизнь не в 1991 г., а в середине XIX в. Представьте себе, что Россия вступает в Первую

мировую в ситуации, когда Прибалтика уже в руках Германии, когда Австро-Венгрия располагает плацдармом в Молдавии и Валахии, а турецкие гарнизоны стоят в Крыму. А уж Великая Отечественная война 1941–1945 гг. при таком геополитическом раскладе и вовсе превращается в заведомую катастрофу.

Но «отсталая, бессильная и прогнившая» Россия не оставила от этих проектов камня на камне. Ничего из этого не было реализовано. Очевидно, что ни позора, ни унижительного поражения и близко не было.

Теперь перейдем ко второму важному вопросу — «технической отсталости крепостной России». Когда речь заходит об этом, то всегда вспоминают нарезное оружие и паровой флот. Мол, у Британии и Франции армия была вооружена нарезными ружьями, а русские солдаты — устаревшими гладкоствольными. Мы уже неоднократно убеждались, что это не так. Русские использовали штуцеры и во время Крымской войны, и до нее — на Кавказе и во время похода в Венгрию. «Да, нельзя говорить, что нарезное оружие совершенно отсутствовало», — с зубным скрежетом признает русофоб, но тут же добавит: «и все же штуцеров в армии было очень мало».

Давайте разберемся. В 1858 г. на страницах «Военного сборника» разгорелась дискуссия между военными экспертами, включая участников Крымской войны. И вот что там написано: «Если мы возьмем в соображение общее число нарезного оружия, бывшего тогда во всей нашей армии, то увидим, что число его едва ли многим уступало тому количеству, которое имела армия французская. Разница была только в том, что французы, ведя войну наступательную, будучи у себя дома безопасными, могли и лучшие войска свои, и лучшее оружие собрать в том пункте, где происходили военные действия; тогда как мы и то, и другое вынуждены были раздробить» [4].

Вот, собственно, и все. Миф о какой-то «отсталости» в этой сфере не выдерживает никакой критики. Где в это время находилась остальная армия? Об этом свидетельствуют следующие данные:

«В конце 1854 г. вся пограничная полоса России была разделена на участки, подчиненные каждый особому начальнику на правах главнокомандующего армией либо отдельным корпусом:

а) Прибрежье Балтийского моря (Финляндия, С. Петербургская и Остзейские губернии), военные силы в котором состояли из 179 батальонов, 144 эскадронов и сотен, при 384 орудиях;

б) *Царство Польское и Западные губернии* — 146 батальонов, 100 эскадронов и сотен, при 308 орудиях;

в) *рогостранство по Дунаю и Черному морю до реки Буг* — 182 батальона, 285 эскадронов и сотен, при 612 орудиях;

г) *Крым и побережье Черного моря от Буга до Перекопа* — 27 батальонов, 19 эскадронов и сотен, 48 орудий;

д) *Берега Азовского моря и Черноморье* — 31½ батальон, 140 сотен и эскадронов, 54 орудия;

е) *Кавказский и Закавказский край* — 152 батальона, 281 сотня и эскадрон, 289 орудий (1/3 этих войск находилась на турецкой границе, остальные — внутри края, против враждебных нам горцев)» [5].

Нетрудно заметить, что львиная доля армии находилась вовсе не в Крыму. Чем объясняется такое, на первый взгляд, странное расположение русских? На этот вопрос мы дали ответ выше, но почему бы и не повториться? Когда Пруссия, Австрия и Швеция начали склоняться к антироссийской позиции, нам пришлось держать главные силы далеко от Крыма вдоль пограничной «дуги»: север, запад, юго-запад.

Идем дальше по русофобским тезисам: «В то время как передовая Англия вместе с передовой Францией давно перешли на пароходы, русские корабли ходили под парусом».

Мы видели, что это далеко не так, и уже в Синопском сражении участвовали пароходы русского флота. Да, их было мало, да, флоты Британии и Франции значительно опережали российский по числу пароходов. Но, позвольте, это же две ведущие морские державы. Это страны, которые на море превосходили весь мир сотнями лет, но почему-то никто на этом основании не называет весь остальной мир «прогнанным».

Впрочем, давайте проанализируем степень военной «отсталости» России в целом. Для этого нет смысла перебирать все виды вооружений, сравнивая каждую техническую характеристику тех или иных образцов. Достаточно просто посмотреть соотношение потерь в живой силе. Если по вооружениям Россия действительно серьезно отставала от противника, то очевидно, что и потери на войне у нас должны были быть принципиально выше.

Цифры общих потерь сильно различаются в разных источниках, а вот число убитых примерно одинаково, поэтому обратимся к этому параметру. Итак, за всю войну в армии Франции убито 10 240 человек, Англии — 2755, Турции — 10 000, России — 24 577 человек. К потерям России еще добавляю

около 5 тысяч человек — число погибших среди пропавших без вести. Таким образом, общее число убитых считают равным 30 000 [6]. Как видите, никакого катастрофического соотношения потерь нет, особенно если учесть, что Россия воевала на полгода дольше Англии и Франции.

Разумеется, в ответ скажут, что основные потери в войне пришлось на оборону Севастополя, здесь противник штурмовал укрепления, и это приводило к гибели множества людей. То есть «техническую отсталость» России частично удалось компенсировать выгодной позицией обороны.

Хорошо, давайте тогда вспомним первое же сражение вне Севастополя — битву при Альме. И людей, и пушек у Меншикова было меньше, чем у коалиции, что и неудивительно, ведь против России выступили сразу три страны. Кроме того, противника поддерживал с моря еще и корабельный огонь. А потери оказались примерно равными. При технической отсталости это невозможно.

Что касается вооружений, то отметим, что в русской армии были ракеты. Причем боевые ракеты системы Константинова значительно превосходили западные аналоги. Кроме того, Балтийское море надежно прикрывали отечественные мины Бориса Якоби. Это оружие также относилось к числу лучших в мире образцов. Значит, «отсталая Россия» кое в чем обгоняла самые развитые страны мира.

То есть мы видим, что все основные тезисы антирусской пропаганды не стоят и ломаного гроша. Государственная система доказала свою эффективность, и благодаря ей наша страна набрала такую силу, что выстояла в борьбе с коалицией сверхдержав феноменальной мощи.

Армия продемонстрировала высокую боеспособность. В войсках царя железная дисциплина, а Россия поднималась на Вторую Отечественную войну со всеми вытекающими для противника последствиями.

Но почему же столь живучей оказалась клевета на николаевскую Россию?

Начнем с того, что уже во время войны представители так называемой прогрессивной общест

венности развернули антироссийскую пропаганду и распространяли листовки-прокламации. «Написанные бойким языком, с полным старанием сделать их доступными пониманию простого народа и преимущественно солдата, прокламации эти делились на две части: одни были подписаны Герценом, Головиным, Сазоновым и прочими лицами, покинувшими свое отечество; другие — поляками Зенковичем, Забицким и Ворцелем» [7].

Когда умер Николай I, ему на смену пришел царь-либерал Александр II. Либералам вообще свойственно критиковать консервативные порядки, да к тому же после долгого правления жесткого императора его сын решил, что пора смягчить контроль над прессой. Как водится, пресса тут же «расплясалась», перемежая справедливые аргументы с откровенной русофобией и чернухой.

На ниве критиканства, к сожалению, подвизались и многие офицеры. Дело в том, что Николай I, собрав команду единомышленников, потом крайне неохотно шел на то, чтобы привлекать к государственному управлению следующее поколение. Амбициозная молодежь, успевшая к середине XIX в. превратиться в зрелых людей, жаждала крупных постов и славы. У них был серьезный мотив ругать стариков на чем свет стоит, пытаясь доказать, что новые кадры справились бы куда лучше поколения николаевцев.

В свою очередь участники Крымской войны стремились оправдаться за собственные ошибки. Промахов и недочетов не способен избежать никто, даже самый великий полководец, но когда война оканчивается победой, об этом все забывают, и генералы получают награды и всеобщее уважение. А Крымская война завершилась все-таки не совсем равным мирным договором. При-

выкшая к постоянным победам общественность пришла в ярость, и полководцы-старички начали оправдываться, нередко сваливая вину друг на друга, интендантов, и, разумеется, на «плохое оружие».

И, наконец, когда советские историки взялись описывать события Крымской войны, то они находились под строгим идеологическим контролем и давлением. Ничего иного они и не могли сказать, кроме глупостей о «бездарных генералах», «самодурствующем царе» и вселенской отсталости «крепостной России». Для большевистской власти Николай I — это «душитель свободы» и «убийца лучших людей России — декабристов», а все, кто с этим не согласен — пожалуйста в тюрьму. Сидеть не хочет никто, в том числе и советские историки.

Инерция старых догматических установок не изжита и по сию пору. Молодые историки 1970-х гг. сейчас стали мэтрами. Отказаться от своих же работ, написанных в СССР, означает признаться, что их диссертации были пропагандистскими. У седовласых профессоров советского призыва сейчас немало учеников, так что подрастает новая поросль тех, кто продолжает повторять байки антирусской пропаганды. И, тем не менее, в наше время появляются исторические исследования, свободные от советской парадигмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 20. М.: ИПЛ, 1973.
2. История дипломатии. Т. 2. М.: ОГИЗ Государственное социально-экономическое издательство, 1941.
3. Трубецкой А. Крымская война. М.: Ломоносовъ, 2010.
4. Взгляд на состояние русских войск в минувшую войну // Военный сборник. 1858. № 1. С. 7.
5. Восточная война 1853–1856 гг. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.
6. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960.
7. Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1. С.-Петербург: Типография Товарищества «Общественная польза», 1900. Т. 1.

REFERENCES

1. Lenin V.I. Complete Works [Polnoe sobranie sochinenij]. 5-e izd. Vol. 20. Moscow, IPL, 1973.
2. History of diplomacy [Istoriya diplomatii]. Vol. 2. Moscow, OGIz Gosudarstvennoe social'no-ehkonomicheskoe izdatel'stvo, 1941.
3. Trubeckoj A. Crimean War [Krymskaya vojna]. Moscow, Lomonosov', 2010.
4. A look at the state of Russian troops in the past war [Vzglyad na sostoyanie russkih vojsk v minuvshuyu vojnu]. *Voennyj sbornik — The Military Collection*, 1858, no. 1, pp. 7.
5. The Eastern War of 1853–1856. Encyclopaedic dictionary FA Brockhaus and IA Efron [Vostochnaya vojna 1853–1856 gg. Enciklopedicheskij slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona].
6. Urlanis B.C. Wars and population of Europe [Vojny i narodonaselenie Evropy]. Moscow, Izdatel'stvo social'no-ehkonomicheskoy literatury, 1960.
7. Dubrovin N.F. History of the Crimean War and the Defense of Sevastopol [Istoriya Krymskoj vojny i oborony Sevastopolya]. St. Petersburg, Tipografiya Tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1900, vol. 1.